

ЧИТАТЕЛЬ ПРЕДЛАГАЕТ

Сколько голов — столько умов... Эта крылатая фраза, а не банальная «о вкусах не спорят» (спорят, и еще как!) могла бы послужить эпиграфом к многочисленным письмам наших читателей. В редакцию журнала, как всегда, пишут люди разных профессий: учителя, инженеры, врачи, артисты, рабочие, служащие, студенты. Возраст читателя — «от 15 до 90 лет», сообщает нам В. Сикорский из Ростова-на-Дону, взяв в пример свою большую семью, многочисленных друзей и родственников. И, независимо от того, как высоко оценивают наши читатели публикуемые материалы или насколько резко критикуют их, цель писем одна — видеть в нашем журнале еще более полное отражение сложных и во многом противоречивых процессов, характерных для современной мировой литературы. Вот почему хотелось бы наш очередной обзор начать с благодарности всем читателям за выраженную ими искреннюю заинтересованность в дальнейшем повышении эстетического и идейного уровня журнала.

В прошлом обзоре редакция обратилась к читателям с просьбой прислать свои отзывы на материалы, опубликованные в 1967 году. В ответ пришли десятки писем, значительная часть которых отличается от предыдущей почты тем, что в них дается подробный и обстоятельный разбор наших публикаций. Наш постоянный подписчик инженер Ю. Е. Студенцов из Ленинграда так и озаглавил свое письмо: «Читательские раздумья по поводу содержания журнала в 1967 году». Под такую рубрику подходят письма читателей И. Шаховцова, полковника в отставке из Харькова, ленинградского филолога О. Ф. Хузе, молодого инженера из Саратова И. Г. Шапиро, рабочего Е. И. Бадуева из Иркутской области, Б. В. Шляпникова из Перми.

Полемизируя с прошлогодним обзором и отстаивая свою точку зрения, т. Шляпников заявляет: «Козьма Прутков писал, что нельзя объять необъятное. Вы же стремитесь охватить в одном журнале художественную литературу, критику, публицистику, политику, изобразительное искусство, кино, театр и хронику общей жизни... По-моему, удельный вес художественной литературы должен быть увеличен до 80 процентов общего объема публикуемых материалов.

Это обеспечит дополнительную публикацию в журнале ежемесячно одного романа или повести объемом в 50 стр., а также своевременный выход журнала». При этом тов. Шляпников заявляет, что причиной опоздания журнала в прошлом году, по его мнению, «явилось собиравание высказываний писателей по вопросам критики и политико-общественным». Эти отзывы, на его взгляд, получились «бледными, трафаретными... Лучше бы опубликовать в журнале хороший роман, и читатели получили бы удовольствие, и журнал вышел бы в срок».

Ну что ж, мы отдаем автору письма должное. Его оценки опубликованной журналом художественной прозы и поэзии в ряде случаев совпадают с оценками других наших читателей, а так же и редакции журнала. Однако, при всем уважении к этим суждениям, подход т. Шляпникова к содержанию журнала нельзя не признать односторонним. «Иностранная литература» — журнал художественный и общественно-политический (подчеркнуто нами. — *Ред.*), отсюда, естественно, и разнообразие его рубрик. Не говоря уж о разделе критики, без коего вообще немислим такой журнал, не следует забывать, что идейная и культурная жизнь за рубежом, которую, к сожалению, мы отражаем зачастую слишком бегло, — это, собственно, общественно-политический фон развития современной мировой литературы, со всеми его противоречивыми явлениями. И, право, нет нужды созывать специальное заседание редакционной коллегии по этому вопросу, как предлагает автор данного письма, ибо именно она обсуждает и утверждает содержание каждого номера журнала.

Высказывания зарубежных писателей по вопросам критики и общественно-политическим проблемам, которые не устраивают т. Шляпникова, привлекают особое внимание читателей, интересующихся литературой не только как развлекательным чтением, но стремящихся понять и осмыслить современный литературный процесс.

«Нужно чаще давать «Круглый стол», «Анкету», «Писатель и время», — пишет в своем читательском обзоре журнала И. Г. Шапиро. — Я напечатанные произведения систематизирую. А к ним нужны статьи, обзоры, сообщения хроники... После

моей обработки от журнала остаются одни корешки. Хотелось бы, чтобы так оно всегда было».

Читательница журнала О. Ф. Хузе, с своей стороны, подчеркивает: «Мне нужны и дороги те материалы журнала, которые знакомят нас с духовным миром зарубежных деятелей культуры, поэтому ответы на анкеты, встречи с писателями в редакции журнала — особенно по такому вопросу, как «Рабочий класс, общество, литература», — отличны, познавательны, интересны».

Такие цитаты из писем можно было бы умножить. Лучшими художественными произведениями, опубликованными в журнале, читатели считают: «Ферму» Джона Апдайка, «Прелестные картинки» Симоны де Бовуар, «Человек из народа» Чинуа Ачебе, «Дансинг в ставке Гитлера» Анджея Брыхта, сценарий Антониони «Красная пустыня», повесть Бел Кауфман «Вверх по ведущей вниз лестнице», «Сократ в Хельсинки» Марти Ларри, «Барлах в Гюстрове» Франца Фюмана, рассказы Альберто Моравиа.

Резко разошлись мнения читателей о романе Кобо Абэ «Чужое лицо». Одни причисляют его к списку наиболее интересных произведений, напечатанных журналом в 1967 году (Ю. Студенцов, И. Шапиро, О. Хузе), другие считают сюжет романа надуманным, неправдоподобным и публикацию его ненужной (Б. Шляпников, Р. Раскина, Я. Дикман). От себя скажем: печатая роман Кобо Абэ, одного из талантливых представителей современной японской литературы, редакция преследовала цель — познакомить советского читателя с новым произведением популярного писателя Японии, лауреата премии Акутагава и французской литературной премии для иностранных авторов, сутью творчества которого является проникновение в сложный внутренний мир человека, зачастую при исключительной, необыкновенной психологической ситуации. Социальные проблемы автор заостряет путем гротескно-условной манеры, что придает его произведениям особое звучание и своеобразие.

Мы считаем заслуживающим внимания предложение Э. В. Августиновича из Перми постоянно знакомить читателей «Иностранной литературы» с произведениями зарубежных писателей, удостоенных крупнейших национальных и международных премий.

И, наконец, переходя к читательским высказываниям о материалах, опубликованных в журнале в нынешнем году, редакция решила пока ответить лишь на те письма, которые носят критический характер. Надо сказать при этом, что откликов на наши публикации 1968 года еще сравнительно мало, ибо такие письма в редакцию поступают, как правило, в конце текущего года и в начале будущего.

Однако прежде чем перейти к критическим замечаниям читателей, хотелось бы отметить, что публикация рассказов «Посторонний» и «Гость» Альбера Камю вызвала немедленный отклик. Преподаватель А. Ф. Кузин из Владимира пишет: «Я про-

читал уже и Камю и то, что вы о нем написали*». Так как Камю помещен в этом же номере и любой может проверить ваши слова, то они звучат неотразимо. Это — во-первых. Не так было бы, если бы ваша статья была в «Иностранной литературе», а вещи Камю — во Франции. Во-вторых, я убежден, что, прочитав в «Иностранной литературе» эти две вещи Камю, многие из молодых людей утратят к нему интерес. Издали он казался таинственным и необычным, вблизи его увидят таким, каков он есть, — ни больше, ни меньше. Я наблюдал, как многие набросились, рванулись на Кафку — и почти сразу же волна отхлынула от него. Здоровый организм не может долго выносить такой наркотик... В целом — спасибо за журнал. Всегда жду с нетерпением каждого очередного номера».

Мы и в самом деле хотели показать Камю (как прежде и Кафку) «таким, каков он есть, — ни больше, ни меньше», хотя и не думаем, что читатель утратит интерес к этим писателям, чье творчество отражает трагическое одиночество и отчужденность человека в буржуазном мире.

Какие же претензии предъявлены журналу по материалам нынешнего года? Обращают на себя внимание четыре письма: заслуженного артиста РСФСР В. Будрейко из Ленинграда о романе Жоржа Сименона «Тюрьма» и письма читателей М. Фельдмана (г. Ереван), А. Маклецова (г. Москва) и А. Михася (г. Махарадзе) по поводу публикации повести Гюнтера Грасса «Кошка и мышь».

Многих наших читателей интересует творчество Жоржа Сименона. Мы ежегодно получаем письма с просьбой публиковать его новые (и не только новые!) произведения. Не составляет исключения и почта нынешнего года. Об этом нас просят читатели Р. Плеханов из Архангельска, А. Береснев из Вологодской области, Б. Новиков с Украины и др. Среди отзывов на публикацию нового романа Сименона «Тюрьма» есть, надо сказать, довольно резкий отклик заслуженного артиста РСФСР В. Будрейко: «Зачем его переводить и печатать у нас в Советском Союзе? О чем он говорит? К чему зовет? Чему учит? Где герои? Стоит ли печатать подобное? Что замечательного в герое Алене Пуато? То, что он осознал, что его жизнь — это мыльный пузырь? Это ли типично для сегодняшней Франции? Безыдейность и, следовательно, пустота». Но в том, что Алэн осознал, что жизнь его — это мыльный пузырь, — суть романа «Тюрьма». Писатель с присущим ему мастерством показал, как может быть исковеркана судьба человека в буржуазном обществе, где в основе лежит личная выгода, карьеризм и полное отсутствие моральных критериев. При сложившихся в семье Пуато трагических обстоятельствах, когда рушится привычная для него «сладкая жизнь», Алэн ви-

* См. «Иностранную литературу» № 9, 1968 г.

дит себя как бы со стороны, он осознает никчемность такого существования, лживость и цинизм, лежащие в основе отношений к людям в окружающем его обществе.

Вот, собственно, «о чем говорит» новый роман Жоржа Сименона.

Критики повести Гюнтера Грасса «Кошка и мышь» тоже спрашивают, «о чем здесь идет речь», в чем «ценность повести и причины, побудившие опубликовать ее на страницах журнала». Прежде всего несколько слов о Гюнтере Грассе, произведение которого впервые публикуется на русском языке (о художественном кредо писателя и своеобразии его творческой манеры говорилось в статье А. Карельского «Блеск и нищета сатиры», № 6, 1965). Несмотря на трудное восприятие специфически грассовской образности, его книги вошли в список бестселлеров в Западной Германии, они переведены и на другие языки, а сам писатель стал лауреатом многих литературных премий. Мы решили познакомить советского читателя с этим своеобразным явлением в сегодняшней немецкой литературе, опубликовав повесть Грасса «Кошка и мышь». Она привлекла наше внимание как своей антифашистской направленностью, так и особой тональностью, зазвучавшей в грассовской сатире. Это не просто язвительный смех с изрядной дозой цинизма, а смех сквозь слезы.

Герой повести Грасса Иоахим Мальке удивляет друзей силой воли, с которой он преодолевает ощущение собственной неполноценности, неожиданными поступками, требующими незаурядного мужества. Так в глазах школьных товарищей он становится «Великим Мальке». Потом гитлеровская армия, фронт. Мальке приезжает в отпуск офицером с «орденом рыцарского креста», который он заработал, уничтожая русские танки «на отрезке Ковель—Брды». Но к этому времени он уже по горло сыт пре-

ступной лжеромантикой, в духе которой воспитывалась гитлеровская молодежь. «Я не боюсь, просто с меня хватит. Ты понимаешь?» — говорит он своему другу. И Мальке нырнул в свой подводный мальчишеский тайник на затонувшем судне, нырнул... но «не пожелал вынырнуть». Так ушел из жизни «Великий Мальке», к которому автор питает явное сочувствие. Мальке, в сущности, жертва фашизма. Отсюда и символический образ кошки, охотящейся за мышью.

Конечно, далеко не все в манере писателя приемлемо для нас. Несомненно, отталкивают излишне натуралистические описания, чаще всего связанные с физиологией человека. Многое в повести действительно звучит цинично, но ведь и время, в которое жил Мальке, время фашизма было страшным, растлевающим юные души.

В заключение хотелось бы напомнить, что наш журнал ставит своей задачей отразить реально существующее многообразие современной зарубежной литературы, различие ее направлений, методов, стилей.

Художественные произведения не дают готовых решений или абсолютных по своей бесспорности оценок зарубежной жизни. Они заставляют читателя задумываться над жизненными явлениями и человеческими судьбами, освещенными художниками слова, дают, как говорили в старину, «пищу уму».

Несколько слов о читательских письмах, выражающих недовольство нашим «увлечением мелким шрифтом». Конечно, редакции хотелось таким путем увеличить возможности для публикаций. Однако в дальнейшем, учитывая мнение читателей, мы постараемся в художественном отделе прибегать к нему значительно реже.

Итак, до новых встреч в наступающем году. Ждем ваших писем.

